

«ДАВАЙТЕ УМИРАТЬ ПО ОДНОМУ...»

АРХИТЕКТОР С БОРОДКОЙ ЦВЕТА УТРЕННЕГО КОФЕ

Блаженны поэты, встретившие друг друга в щемяще-ослепительный миг юности. Трижды блаженны поэты, кланяющиеся друг другу в прозрачно-высокогорной долине свершений.

Воздух возраста высокогорный!
Искус глубоководных дум.
Наедине с душой подзорной
Надменный умолкает ум.

Это я написал в конце девяностых. А тогда...

Тогда нам казалось, что мы уже старики в свои восемнадцать-двадцать, а Космос становился пригородом Земли, и мы, встречаясь у главпочтамта, радостно окликали друг друга: старик! Тогда Сергей гулял по сентябрьским улочкам в своей парижской беретке, архитектор с бородкой цвета утреннего кофе, а изогнутая курительная трубка его сладко-горько дымилась и томила воображение недостижимо-дальними странами...

Сергей Донбай — загадочный эмигрант из Новосибирска, где он учился на архитектора. Там обитают его друзья — поэты и архитекторы: Александр Плитченко, Нелли Закусина, Лев Графов. Я немного ревную Сергея к дружеской тайне Новосибирска. А Сергей очаровывает и убаюкивает нас в беспредельной колыбельке своего ласкового юмора. Тогда мы радовались друг другу, что мы есть, что учились в одной 41-й школе, и встретились здесь, на площади Пушкина, у «динамовского» дома, и читаем друг другу новые стихи, и блаженно повторяем пронзительные, как расстрел в упор, строки... и запоминаем их на всю жизнь.

*Когда не упомнишь — о чем говорили,
Не вспомнишь отчетливо ямочки щек,
И как продлевал времена дорогие
Спешивший на выручку нам юморок...
Нас время отдельно и точно состарит.
Те дни не сбылись и не сбудутся вновь!
Но кто-то из нас обязательно станет
Считать их за главную в жизни любовь.*

ВОЗДУХ ВОЗРАСТА

Величина и сила личности проявляется во влиянии на окружающих. Это закон звезд и людей. Поэт влияет на поэта впечатляющей силой своих

образов. В то время, в конце шестидесятых, я блаженно переживаю влияние дальнего круга поэтов: Андрея Вознесенского, Пабло Неруды, Иосифа Бродского. Но поэты-планеты моего ближнего круга: Николай Колмогоров, Игорь Гурьянов, Виталий Креков и Сергей Донбай - влияют на меня с такой же силой, как дальние поэты-звезды.

*Склонюсь поиграть с муравьем,
В руке золотая соломинка,
Чтоб было привычно потом
С детьми, наклоняясь, знакомиться.*

Образы Сергея настолько естественно и глубоко запечатлеваются во мне, что через некоторое время начинают произрастать из моих строк. И я не могу справиться с ними или изгнать их из моих стихов. Это был братский плагиат или захватывающая любовь. Воистину: что украл - то твое.

*Утро... Солнечный холодок!
Рядом голубь шагает босой.*

Вот эти мои переклички-заимствования, святое мое воровство, в котором я сейчас признаюсь, как в любви, при всех:

У Сергея:

*Над твоей и моей головой
В первый обморок падает лист...*

У меня:

Белое облако
В обморок падало...

У Сергея:

*Смотри: природа учинила осень
И каждый лист отчетливо светло.*

У меня:

Вся я, как есть, у Тебя на судной ладони...
Видно отчетливо, как каждую ветку светло.

У Сергея:

*И входили в свободном потоке стихи
Навсегда: воздух возраста в тело мое...*

У меня:

Воздухом возраста не надышаться,
Не наглядеться в столетнюю даль...

Воистину: что полюбил — то твое...

КАК БОЛЕЮТ ЛЕСА ТИШИНОЙ

Ранние стихи Сергея, их неумело-домашняя ткань с паутинными разрывами, неожиданной пустынностью и либеральной рифмовкой, похожи на недорифмованный верлибр. Тогда мы об этом много говорили и спорили. Но в этих стихах чувствовалась странная тайна — очарование недосказанного, дуновение незавершенного...

*Город побелили —
Выпал снег.
Парикмахер лиши
Рисует на лице клиента!
Груда белья ломкого —
В комнате морем запахло —
Застыли коленки и локти
Плоских рубаш и штанов.
Падает верхний, верхний и
Снова падает снег!
В улицах длинных сверстники
Мои молодые седеют...
Колокол сердца! Колокол! —
Ровный, спокойный обычно —
Так запыхался около
Левой моей руки!..*

А я всегда стремлюсь к совершенным точным созвучиям, люблю, чтобы слово без дрожи отражалось в слове, и не совсем принимаю то, что получается у Сергея. И всё же обаяние его стихов, их необъяснимое косноязычие я чувствую и сейчас.

*Как болят леса тишиной!
Но не страшно... И не берегись...
Над твоей и моей головой
В первый обморок падает лист.
Нам-то что, нам-то что до него?
Только хмурый — еще не привык —
Завтра утром уйдет далеко —
В золотые дорожки лесник.*

МОДУЛОР

Поэзия Сергея Донбая похожа на уютный уголок мироздания, подсвеченный настольной лампой поэта:

*А весною наш городок
Деревенским приметам подвержен.
Также в воздухе, чуешь, дымок
Огородный чуть слышно подмешан.*

В те годы мы ходим в гости друг к другу, когда захочется, а хочется почти каждый день. Мы читаем-обсуждаем стихи друг друга и всего нашего круга,

сталкиваемся на Набережной, говорим о Ле Корбюзье и Уитмене, о Поле Элюаре и Рокуэлле Кенте, Назыме Хикмете и Диего Ривере. Мы говорим о модульоре — такое словечко-понятие пустил в мировой обиход архитектор Ле Корбюзье, а Сергей ввел в наши разговоры. Ле Корбюзье считал тело человека универсальным основанием для проектирования домов и городов. Во мне модульор удивительно сопрягается со словами Протагора: «Человек — это мера всех вещей».

*Фили. Россия за спиною...
Фельдмаршал спору не вредит.
Здоровый глаз прикрыв рукою,
Он через пальцы не глядит.
Для всех его молчанье — бремя.
Но руку не спешит отнять...
И ветку не торопит время
Плоды зеленые ронять.*

1976

В эти времена мы обговариваем-обдумываем сущность рассказа-повести-романа. Ищем грань-различие-пределы. Мы пытаемся сформулировать это, и у нас получается. Протагор и Ле Корбюзье помогают нам. Рассказ — это мера одного события-мига-вспышки жизни человека, которая отбрасывает свет на всю его жизнь. Повесть — это поворотная часть жизни человека, влияющая на всю его жизнь. Роман — это мера жизни человека. И роман-эпопея — это мера жизни народа. И мы радуемся с Сергеем своим открытиям.

*Тихий-тихий, удивительный
Этим утром снегопад.
Непроснувшихся родителей
Мальшии ведут в детсад.*

Модульор-Протагор-Прогулки по Набережной и Разговоры о Смысле Вселенной — всё это захватывает нас и связывает на долгие счастливые годы.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ НА АЛТАЕ

*...Осень копается на огороде.
Топится баня. Сгущается мед.
И целый день, как по горной дороге,
Медленно-медленно время идет...*

Это Сергей пишет-переживает, радуется истекающим мгновениям-годам нашей жизни-дружбы. Это уже последняя душевная встреча на Алтае в 1983 году. Сергей прилетел ко мне в За-Мульту встречать свой 41-й день рождения. Утром 22 сентября мы проснулись, а на Катунском хребте ослепительный снег — Рождество Господне! Снег сияет во дворе и

запечатлевает навсегда наши весело разбежавшиеся шаги. Белоснежно-округлый аил стоит посреди огорода, как посол Филаретовой горы, на которую мы вчера забирались вместе с Сергеем.

* * *

Сергею Донбаю

В огород зашли без дела —
Всё доделали вчера.
Над Мультой заиндевела
Филаретова гора.

Вверх полезли, вниз глядели,
И у самых трёх вершин
В снежных ямах розовели
Троеперстия рябин.

Там на южном склоне Филаретовой горы - ближе к вершине - нам встретился большой полосато-дымчатый барсук, который не замечает нас, и мы осторожно приближаемся к нему на расстояние руки. И тогда он подслеповато чувствует нас и бежит, переваливаясь с боку на бок, вверх. Его можно было догнать. Под вершиной мы обходим веющие холодом снежные ямы, осыпанные розоватыми троеперстьями рябин. И на вершинке Филаретовой горы мы блаженно лежим-отдыхаем на золотистой хвое в райской кедровой рощице.

*Идем, запряженные цугом,
Привычные к ветру под дых.
Второе дыхание с другом
Мы делим одно на двоих.*

*И вместе бываем в кювете,
С дороги слетев столбовой...
Но снова движения ветер
Нам выгорбит спины с тобой!*

*Шоссейка, гравийка, проселок —
Торопятся два колеса!
Как много обочин веселых —
Запомнить не могут глаза!*

*Но знаем спокойно и точно,
Что в гору, с горы, на прямых
Отстанет от нас одиночка —
Слабо ему против двоих.*

1976

Это о нас написал Сережа.

А сегодня снег сияет у нас под ногами. Мы играем в снежки и смеемся: сорокалетний крепкий Сергей, неожиданно-радостная Анна, кареглазая

Олька, Лея в алом комбинезоне и Елена — жена Олега, сегодня улетающая в Кемерово. После застолья мы пойдем провожать Елену через два моста: первый мост — через льдяно-синюю вспенивающуюся Мульти и второй мост — через зеленоструйную-медленную Катунь, так мы выйдем на дорогу, чтобы посадить ее на усть-коксинский автобус. И когда мы провожаем Елену, в нашей долине уже торжествует зелено-золотой багрянец сентября. Но снег еще лепится на изгороди. И уже топится баня по-черному. И мы сидим за столом, сбитым из двух золотисто-коричневующих лиственничных плах, и едим-радуемся-вкушаем золотисто-хрустящие блинчики, в которых таятся снежно-белые грузди, и, наверное, пьем водку, привезенную Сергеем из города, и сердечно произносим высокогорные тосты о любви, стихах и друзьях, и размешиваем сладко-горькую жимолость в родниковой воде, и пьем-цедим по капелькам этот ослепительно тающий день рождения Сергея. Я еще не догадываюсь, что это тают наши последние мгновения. Я еще долго буду сопротивляться этому. Я еще долго-долго-долго ничего не буду понимать. Но...

Но еще тогда, в золотисто-закатные миги нашей юности, Сергей иногда произносит невозможные для меня слова: «Давайте умирать по одному...» В этих словах — безысходность и вызов самому главному, чем я живу: непрерываемости любви! Мы и тогда не соглашались в этом. И никто никому ничего, как всегда, не может доказать.

«Давайте умирать по одному» — это строка Владимира Кострова — говорит-объясняет Сергей, но я не верю этому, это его строка...

ЖЕГ РУКОПИСЬ ПОЭТ НА ПУСТЫРЕ

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!» - я хожу по улицам Новокузнецка, точно препоясанный Иисусовой молитвой. И непрестанно повторяю про себя: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!» После Крещения в меня вошел и пронзительно действует остро-слезный Дух Покаяния. И уже через месяц — я неожиданно для себя хочу сжечь мои стихи. Сжечь все рукописи-письма-фотографии, драгоценно хранящиеся у меня с 1961 года. Я безысходно хочу уничтожить двадцать пять лет моего творчества. Дух Покаяния щемяще-беспощадно разворачивает мою жизнь, и я начинаю видеть всё по-другому. Я вдруг обнаруживаю в себе слово «грех». Моя жизнь нестерпимо преломляется сквозь это слово — я вижу себя, грешного... И я - в самого себя воплю-молюсь: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!» И мне становится невыносимо жалко всех-всех-всех... и Анну, и отца, и брата, и всех моих друзей и не друзей... и себя самого. Я, словно разлуку, чувствую в себе что-то странно невыплаканное. И всё это связано с грехом. Еще год назад этого слова не было во мне. Были другие: преступление, проступок... И я сокрушался о своих проступках. Меня мучила совесть, но это было по-другому. А сейчас я весь во грехе... И никаких оправданий. И не нужно

никаких свидетелей. Всё, что я написал, - я писал во имя свое. Во имя себя, любимого-гениального-неповторимого. Я плачу и свидетельствую. А ведь я думал, что пишу во имя братства на Земле. Я сам рыдаю и обвиняю себя. Я хотел осчастливить мир самим собой. Но не осчастливила моя «гениальная поэзия» ни отца с матерью, ни семью, ни друзей. Я сам приговариваю себя. Я, как грандиозный оборотень-поэт-паук, всю свою жизнь сплетал сверкающую паутину из своих слов и строчек. И вот сейчас моя грешная прозревающая душа рвется из этой нестерпимо-липкой паутины тщеславного и самоотверженного труда. Я должен сжечь мою любимую паутину. А все стихи-письма-фотографии-черновики я так щемяще люблю. Крещение дает мне силу — я сжигаю Христа ради... И Сергей - свидетель моего самосожжения. На его глазах я сжигаю первую половину своего архива - полный абалаковский рюкзак, килограммов 35 рукописей. И Сергей пишет об этом.

*Жег рукопись поэт на пустыре.
Нечаянным поступком он боролся
С отчаяньем. И палочкой в костре
Хозяйничал. И рыжая борода
Дрожала... И, когда совсем страница
Сгорала, превращаясь в негатив,
Играло в нем живое любопытство —
Он счастлив был, строку определив!..
Когда ж он бросил в ночь костра цигарку
И повернулся, чтоб идти назад,
И ухмыльнулся, прошептал цитату
О том, что рукописи не горят,
Увидел он — да что за чертовщина! —
Там, вдалеке, совсем другой пожар.
И тяжело пожарная машина
Туда неслась, сиреною дыша.
И стала ночь помощницей огня,
Она его, как дерево, растила.
И началась воздушная возня —
Освободилась дьявольская сила!
И под ногами громко-громко гравий,
Выдавливая ненависти гной,
Кричал слова, одно другого бранней,
Пока поэт шел, освещенный тьмой.*

Левее филармонии, возле бывшей 41-й школы, мы с Сергеем спускаемся под горку, и там, на галечных отвалах среди сухих кустов полыни, репейника и лебеды, я начинаю сжигать рюкзак рукописей. Два часа сопротивляются-трепещут в пламени мои рукописи. Огонь становится все ярче и ярче, а сумрак окружает нас. И вдруг прямо за Искитимкой, метрах в трехстах от нашего огня — во тьме Заречья вспыхнул огненный столб! Искры и отсветы

настоящего пожара взвиваются и прядают на окрестные дома. Горит-полыхает невидимый дом. Как замороженные, мы смотрим и понимаем, что рукописи и дом, здесь, рядом, вспыхнувшие одновременно, — это... это Знак. И наконец мы слышим запоздалые, протяжные сирены пожарных машин. Завтра я сжигаю второй рюкзак.

В том огне многое сгорело. И, видимо, выгорало в Сергее то, что нас соединяло.

*И когда у врагов не останется злости,
И когда свою нежность друзья истребят,
Я пойму, что во мне отражаются звезды
И что птицы на мне, не пугаясь, сидят...*

НО НИКОМУ НЕ СКАЗАЛ

И вот Сергей примиряет смирительную рубашку своей судьбы, которая всегда оказывается впору. И странно, и непоправимо-сладко верен Сергей своим юношеским словам: «Давайте умирать по одному...». И уже не читает свои последние стихи, когда встречаемся мы у главпочтамта или на Набережной. И не звонит по телефону просто так. И не заходит. И никто не виноват. И Сергей не виноват, что он больше не может радоваться при встрече со мной. И я не виноват, что при встрече не могу его порадовать просто нашей встречей. Потому что:

*Над Томью в злато-синей дрожи
На всё, что хочешь, облака похожи!*

И это его выбор, в котором он не волен. И я сделал свой выбор, в котором тоже не волен. Потому что мы висим над пропастью в любви и держимся единой необрываемой нитью. Потому что янтарной капелькой вечности слезится сосна на Журавлинском обрыве. Потому что облака на Всё, Что Хочешь, похожи!

И уже третье тысячелетие на дворе. И ослепительный снег выпал на крыши домов, как и в прошлом тысячелетие. И тополя в снегу - моложе-зеленей. И я уже редко, совсем редко, захожу в старинный двор на Арочной, останавливаюсь под окнами на втором этаже и еще реже кричу молодым-молодым-молодым голосом из наших шестидесятых: Сееее-ре-жааа!

И солнечный полдень в бору осыпается рыже-веселой хвоей на теннисный стол возле дачи. И я всё еще встречаю Сергея у главпочтамта, и мы радуемся друг другу, и читаем новые, совсем новые стихи, и я слышу его приглушенный голос, дрожаще-читающий мне только что написанное стихотворение:

*А где-то в лесу родился
Зеленый шарик смородины.
Жук проползавший ему удивился,
Но никому не сказал.*